

НЕ ТАК давно по телевидению транслировался вечер Федора Абрамова на студии в Останкине. Во всем, что он говорил тогда, а были затронуты самые разные стороны нашей жизни и литературы, ощущалось биение нравственного чувства и мысли гражданина, озобоченного самыми главными проблемами нашего времени. Собственно, таков Федор Абрамов во всех своих произведениях. И те, кто давно полюбил его прозу, вероятно, вдвойне радовались этой встрече...

Мне почему-то запомнилось, как писатель приступил к ответам на вопросы. Снял пиджак, подсушил рукава рубашки, устроился основательно, чтобы ничего не мешало серьезной работе. Об этой детали я вспомнила, когда началась наша беседа в Ленинграде у него дома. Он сдвинул со стола книги, взял лист чистой бумаги, карандаш. Иной раз, отвечая на вопрос, он быстро писал слово, начало фразы, это, видимо, помогало точнее формулировать мысль.

Первый вопрос был традиционным: как он стал писателем? Помня горячее слово Абрамова во время телепередачи о его школьном учителе, я спросила, не собирався ли он быть учителем.

— Было, было желание стать учителем. В семье нашей учителя пользовались почетом. Брат мой стал учителем, и жена его учительница. И сестра всю жизнь работает в школе. Но влекли и другие профессии, просто разрывало, всюду хотелось успеть. Очень хотелось быть военным, особенно летчиком — форма нравилась, мечтал о романтической профессии геолога. Всего не перечислишь! Но верх взяла любовь к слову. Я с детства был равнодушен к слову, к сказкам. Первые книги ошеломили меня...

— Что это были за книги?
— В моем детстве не было так называемой детской литературы. Среди первых прочитанных книг были «Жилин и Костылин» Толстого, «Мартин Иден» Джека Лондона, книги Мопассана, других иностранных авторов. С детства полюбил Гоголя. Хорошо помню, как читал роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Стояли белые ночи. Я сел за книгу вечером и в совершенном потрясении читал ее до утра. Так и не заснув в эту ночь ни на минуту, утром пошел в школу. Зачитывался «Оводом». Любимым героем был Печорин. Вообще была полоса романтического чтения. Уже студентом прочел «Красное и черное» Стендаля. Жюльен Сорель потряс меня...

Романтика, романтика! А начал писать реалистически. Много пережил. Романтика жила, бродила, осталась. Но взяла свое жизнь. Тридцатье годы — годы романтики — сменили сороковые. Война. Блокада. Голод. Ранения. Отпуск по ранению, когда попал в деревню, в страшное бабье царство — голод, похоронки, и немыслимая работа, чисто русская выносливость, терпение, неслыханное мужество, стойкость...

Жизнь распорядилась так, что писать Абрамов стал довольно поздно. Пошел по ученой стезе. Защитил диссертацию, работал старшим преподавателем, доцентом, заведовал кафедрой советской литературы ЛГУ. И в эти же годы втайне от всех сочинил свое первое произведение. Им был роман «Братья и сестры». Книга была доброжелательно встречена и критикой, и читателями, и вскоре он оставил университет и с шестидесятого года всецело занимается литературным делом.

— Федор Александрович! Когда был задуман, а потом и написан роман «Братья и сестры», представляли ли вы себе, что он вырастет в эпопею, в цикл из четырех романов, охватывающий такой большой временной период — от военного лихолетья до наших дней?

— Сказать, что я все представлял себе в деталях, было бы преувеличением. Но с самого начала были задуманы четыре книги, об этом я писал в редакцию «Нового мира» еще тогда, когда шла переписка по поводу первой книги. Но, конечно же, это была лишь общая идея, идея-мечта. Конкретизировалась она по мере написания остальных романов, в течение двадцати лет. Это большая работа, но вообще должен заметить, в оценке моего творчества существует ка-

ха». Если говорить о гражданской позиции писателя, как не вспомнить повесть «Вокруг да около» — один из самых первых голосов в литературе, заявивших о необходимости перестройки отношений в деревне (колхозник — колхозу, колхоз — колхознику) — на основе и материальной, и моральной заинтересованности. А какие глубины нравственного чувства заключает в себе совсем небольшой рассказ «Материнское сердце»!

Уже первой своей книгой Федор Абрамов заявил о себе как писатель, пришедший в литературу со своей темой, и каждая новая его вещь продолжает художественное исследование деревни Русского Севера, исследование народных характеров, глубинных процессов нашего времени.

некоторые вопросы, над которыми мучаешься и как писатель, и как человек. Потому чтение для меня необходимо, имеет просто практическое значение. Писатель для меня собеседник, в споре ли, в согласии с которым проясняются собственные мысли, заново рождаются и углубляются.

Что читаю сейчас? Вы застали меня в пору, когда я читаю литературу о Севере. В 1984 году — 400-летие Архангельска, столицы Севера, который сыграл в истории страны, в истории русской культуры важную роль. К тому же это моя родина... Перечитываю видных писателей Севера — Степана Писахова, Бориса Шергина, сказочницу — землячку мою Марию Кривополенову. Все три имени принадлежат к самым почитаемым и достойным именам русской культуры, а мне приходилось неоднократно убеждаться, что наши читатели не знают их. Весь мир зачитывается сказками Андерсена, а удивительных сказок Писахова не знает. А сказки его необыкновенной выдумки, беспримерной фантазии. По яркости, народности и образности языка Писахов не имеет себе равных. Это сказочник, созвучный нашему времени — веку невиданных изобретений, парению на грани фантастики. Виноваты наша книжная пропаганда и издатели. Сказки вообще у нас издаются редко, от случая к случаю, хотя интерес к ним у народа очень велик.

Борис Шергин — писатель другого склада, «писатель души сердца», который, как никто до него, раскрыл идеи братства, красоты, взаимовыручки. На Севере жить единоличником, волком невозможно. Это писатель удивительного, неповторимого, своеобразного слова. И тоже нашему читателю малоизвестен.

Мария Дмитриевна Кривополенова знала столько былин, скоморошин, сказок, песен, что память ее кажется совершенно необычной для привычных измерений. Моя пинежанка. Человек обостренного, красивого слова. И тоже не очень читаемая. Больше надо издавать русских сказок, спрос на них огромный.

В конце нашей беседы я попросила Федора Александровича сказать, над чем он работал последнее время, назвать новые книги, поздравить со своими планами.

— За последние год — полтора закончена работа над собранием сочинений, последний том которого выйдет в ближайшее время. В восемьдесят первом году опубликовал цикл рассказов в «Неве». Там же повесть «Мамоница», в журнале «Север» — цикл коротких рассказов «Трава-мурава», все это можно найти в недавно вышедшей книге «Бабилей» («Советский писатель», Ленинградское отделение). В майском номере журнала «Новый мир» опубликован цикл рассказов. Только что написал, тоже для «Нового мира», воспоминания об Александре Яшине, которого знал.

Над чем работаю? Я работаю фронтально — рассказы, повести, эссе, воспоминания. Это все в сфере моего сегодняшнего внимания. А если говорить о главной работе, над которой размышляю многие-многое годы, — это книга о России, о социальных и духовных исканиях России в канун революции.

М. ИСКОЛЬДСКАЯ.

ДЕРЕВНЯ — ЭТО МАТЬ НАША

Беседа
с Федором
АБРАМОВЫМ

кой-то перекоп. Половина моей жизни отдана повестям и рассказам, которые писались и в одно время с романами, и уже после них. Но критики нередко смотрят на них, как на нечто второстепенное...

Тут хочется сделать маленькое отступление. Вероятно, вообще взгляд на творчество любого писателя должен быть целостным, охватывающим все сделанное им. Тетралогия «Братья и сестры», состоящая из романов «Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути перепутья» и «Дом», — не только самое большое произведение Федора Абрамова, в котором он проследил жизнь своих героев и жизнь деревни на протяжении более тридцати лет. Писавшееся многие годы, оно вобрало в себя, отразило духовную жизнь писателя, его развитие как художника. Это сложнейшая постройка, и если уместны подобные сравнения, ее можно сравнить с домом Степана Андреевича Старова. Помните этот дом — своеобразный художественный символ всей эпопеи — с его многочисленными строениями из ядреной, звенящей лиственницы и венчающим кровлю летящим конем... Глубоко реалистическое произведение, и в то же время в этой столь прочно обосновавшейся на твердой почве реальности постройке немало романтического.

А какие совершенные постройки мы видим рядом с этим домом! Уступающие ему лишь в масштабах, но ни в красоте, ни в качестве строительного материала. Снова и снова на разных человеческих судьбах решает писатель жгучую проблему — человек и его место в жизни, что оставляет он после себя. Об этом и «Деревянные кони», и «Пелагея», и «Алька», и последняя повесть Абрамова «Мамони-

— Почему деревня стала моей преобладающей темой? Я хотел бы, чтобы это понимали не в узком смысле. Деревня — мать наша, это нива, на которой всколосилась русская культура. Убежден: на примере жизни деревенской бабы, которая не выходила за околицу, можно дать не только историю всей страны, но историю человечества... А с другой стороны, можно носиться по всем горячим точкам планеты и не затронуть ни сердца, ни ума читателя. Вот в подтверждение этой мысли пример из классики. «Старосветские помещики». Жалкий, ограниченный сюжет, как едят и пьют люди, по всему бесконечно далекие от нас. Но в этом сюжете, в отношениях этих людей Гоголь открыл такие глубины человеческого существования, человеческой природы, что мы зачитываемся этим произведением...

Писатель всегда пишет о том, что ему близко, что он хорошо знает, что было заложено в его детстве, и самое, может быть, главное — о том, что его волнует и жжет как гражданина.

— Моей, всей нашей болью в послевоенные годы была деревня, вопросы хлеба насущного, а значит, и хлеба духовного, ибо эти два сорта хлеба не существуют по отдельности...

Я заинтересовалась, что Федор Александрович читает сейчас.

— Книг выходит много. Много остается не читано. Это моя беда. Хочется прочитать как можно больше. Я ценю книгу. Без книги не мыслю ни жизни, ни работы. Каждая прочитанная книга непременно дает толчок для работы, раздумий, оставляет след в душе. Это одна из форм разговора с умным человеком. В нем непременно рождаются новые мысли, очень важные, проясняющие